

ТРУД! МАЙ!

А.В. Манин-Уралец

**Героя
нравственности
труда. Часть 2**

А.В. Манин-Уралец

Героя нравственность труда. Часть 2

<https://litres.ru/74136529>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая часть из бывшей публикации «Высокая нравственность труда» раздела 1 «Труд как социальная форма жизни» в виде интервью с Председателем Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России» Алексеем Гавриловичем Лёвиным - автором воспоминаний и размышлений о нравственной силе коллективного труда, выступающим наставником и философом о труде как человек, работавший не покладая рук с юных лет, долгие десятилетия руководивший строительным управлением «Союзметрострой», ставший Героем Социалистического Труда, одним из самых ярких личностей в современной России - Председателем Всероссийской общественной организации Героев Труда, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов Государственных премий, руководителем Российского общества инженеров строительства. В ходе беседы с автором-публицистом он доносит до читателя правду и истину о главных

ценностях и главной силе индивидуального и самоотверженного коллективного труда в эпохе СССР и современной России.

А.В. Манин-Уралец

Героя нравственность труда. Часть 2

Героя нравственность труда.

Манин-Уралец – интервью, литературная запись.

А. Г. Лёвин – воспоминания, размышления, наставления.

Документальная повесть-эссе в форме интервью с Председателем Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России» изначально получила название «Высокая нравственность труда», была составлена из двух частей «Труд как социальная форма жизни» и «Теория и практика социалистического труда».

Автор воспоминаний и размышлений Герой Социалистического Труда А. Г. Левин является Председателем Всероссийской общественной организации Героев Труда, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов Государственных премий, Генеральным директором строительной организации «Союзметрострой». Как один из лучших практиков и общественной деятельности в сфере труда, достигший на этом поприще выдающихся результатов и нашедших ответы на сложные вопросы современного бытия, он доносит до читателя правду и истину о главных ценностях и главной си-

ле, которая позволяла и позволяет создавать материальные богатства, возвышать культуру социальной сферы, обеспечивать несокрушимость военной мощи державы и несгибаемую волю народа в мирном созидательном труде ради сохранения всех завоеванных позиций любимой Родины на мировой арене.

В книге – документальной повести-эссе в форме интервью им освещены многочисленные проблемы современного труда и доказывается необходимость неустанной работы по возвеличиванию роли труда в прошлом и настоящем Российской Федерации. Жизненная необходимость труда для развития общества, потенциал его высокой нравственности и благородного примера для воспитания идущего на смену ветеранам молодого поколения - главные темы дискуссии, интервью, на которое дал согласие автор перед лицом необходимости использовать любую возможность, чтобы очередной раз напомнить людям, что нет ничего в мире важнее и радостней плодотворного творческого труда, возвышающего дух и значение человека в любом социальном обществе. Ответы автора на различные вопросы, в том числе и задаваемые себе самому, - рождают большой труд философских размышлений, повесть о труде, о важности труда. И о труде – как о самостоятельной форме жизни в любом развивающемся социальном обществе.

Теория и практика социалистического труда.

А в этой части я отвечаю на большой ряд вопросов, имеющих свою специфику, связанную с многочисленными тонкостями расшифровки общего понятия труд и понятия трудовые коллективные отношения занятых в нем людей. Главной спецификой формы и содержания каждого ответа является то, что ни одно из рассматриваемых явлений, понятий и смыслов социализма в нашей стране не рассматривается только с одной позитивной позиции. Мы обязательно укажем и на свой минус или свои минусы. Таково условие составителей толкового словаря понятий и смыслов советского времени. Без «золотой середины», необходимой расшифровке каждого из них, нет смысла создавать и словарь, ведь тогда можно ограничиться простыми воспоминаниями по периоду социализма, книгами по истории предприятий и организаций, там – все заполнено сплошным позитивом, потому что всюду присутствует элемент преодоления трудностей и проблем. Это интересный феномен – преодолевать трудности и проблемы, и в то же время это и считать позитивным явлением социализма, самым позитивным. В этом и есть вся радость труда – в результате улучшения чего-либо ради общего дела, ради решения общих социально-производственных, социально-бытовых и социально-культурных проблем. Так мы и жили. И именно такой труд мы восхваляем.

Истина этого повергает людей нового поколения в шок.

«В этом и есть это пресловутое счастье социализма?!» - восклицают они.

И вот тут им в помощь, а также и в помощь всем нам, кто трудолюбив, ценит и уважает труд других, - приходит толковый словарь из, примерно, конечного числа понятий и смыслов советского социализма, - и этот список представлен нам из, приблизительно 15 000 слов и выражений. Словарь – в конечном итоге создаваемый из изучения историй труда и людей труда предприятий и организаций, воспоминаний участников и свидетелей исторических событий. А также - созданный из наших ответов на вопросы, где каждый ответ обязательно содержит позитив и негатив любого советского явления с его специфическим названием. Смыслом, понятием, которое вкладывали в него буквально все. Это был язык общества. Этот язык создало само общество, поскольку такого языка не было до 1917 года, Великого Октября – т е есть, по-новому - Великой Русской Революции.

На нем говорили, с ним прожили свою жизнь наши отцы и деды.

Язык этот исчез после 1991 года, потому что это был язык практиков социализма, а социализма с роспуском СССР в это время не стало.

Но для понятия нашей истории нам придется помнить и, возможно, кому-то и переучивать этот язык, так же, как необходимо знание древнерусского языка тем, кто доносит нам расшифровку явлений, понятий и смыслов древней Ру-

си. Из нее, кстати, понятие богатырь, перенесено в советское время в новом смысле «богатыря труда», понятия и смысла коллективов богатырей по выполнению поставленных задач. В массовой практике и сами смыслы и понятия, и «богатырские дела» людей становились советскими явлениями, которых из истории уже не вычеркнуть.

Словарь навсегда сохранит все это и в своем виде толковника, хотя уже и в качестве так называемого учеными, - глоссария. То есть толковника уже во многом устаревших слов, смыслов, понятий и явлений.

Наша история воспитывает нас, и как история борцов за свое счастье и победителей она делает из нас патриотов.

Вопросы мне подсказаны составленным перечнем подготовленных для создания Словаря Труда смыслов и понятий, явлений социалистического труда, в котором в свое время я был признан Героем и удостоен самого почетного для того времени для работника звания - «Герой Социалистического Труда».

Это своеобразный тест для тех, кто досконально знает Труд, и хорошо понимает трудящегося человека. Каждый ответ, так или иначе, представляет собой минимальную статью. Статья раскрывает вопрос не полностью, но настолько, насколько можно иметь о явлении, смысле и понятию максимально и даже самое точное представление. А пробел восполняет перекрестное соотношение тематик статей в других тысячах основных и вспомогательных заголовках словаря.

Так я понимаю задачу составителей словаря. Так я вижу поставленную ими передо мной эту, несомненно интересную и благородную, задачу.

Тем самым мы разгадываем для людей, не слишком тесно связанных с коллективным трудом, не имеющих стажа такого труда настоящие загадки. Когда мы слышим о богатырях труда или, тем более, армии богатырей труда того времени, мы видим этих богатырей так, какими они являлись на самом деле. В минувших поколениях было не слишком уж много работников богатырского роста, но «настоящими богатырями в труде» могли назвать любых работников, способных сделать то, что не способны сделать очень многие, т. е. самые талантливые, способные, умелые, инициативные, упорные и пр. Эта оценка – богатырь – не была общераспространенной и частой. Но фраза: «Ну, чудо-богатыри, не подведите» - как обращение к признанным мастерам своего дела, или в шутку ко всему коллективу, воспринималась, как вполне обоснованная, уместная. В конечном итоге, все на самом деле трудились не как просто выполняющие норму, а, по меньшей мере, старающиеся ее перевыполнить. И речь тут вовсе не шла о том, что – благодаря именно богатырскому здоровью, которым, по сути, вынуждены были обладать все, а о том, что каждый мог проявить себя любым способом – хотя бы только и благодаря смекалке, рационализации, каким-то остроумным действиям. Более слабые здоровьем не желали безнадежно отставать от более крепких, проявляли

себя, в чем могли.

Такие богатыри труда были более способны блюсти интересы Родины, с поддержкой власти в любых трудных условиях, вождей СССР?

Российская империя, оставившая некоторые элементы своей парадигмы в созданном - в результате социалистической революции – СССР, преобразовалась в союз политического национального братства и братской социально-экономической взаимной поддержки. Территория страны была столь велика, а разница в культуре, экономическом развитии регионов, как и представлений народов о подлинном счастье, столь значительной, - при том, что пришлось начать самую активную защиту всех ее необъятных границ, - что потребовалось от каждой республики и от каждого гражданина СССР принятия общих правил игры: существовать под мирным небом и развиваться в меру своих сил только в тесном идеологическом единстве, с внутренней клятвой как жить, так и умирать ради интересов общего дела всех объединенных народов. Требовался и такой общий вождь, который был бы воспринят всеми, как вождь всех народов. Таким было нетрудно стать главе коммунистической партии, советского правительства, поскольку в идеологии партии коммунистов и советской власти главным было – «Пролетарии всех стран объединяйтесь!», главное - против социальной несправедливости. Это подкупило каждый народ. Многие, правда, в том числе пролетарии-богатыри борьбы и труда в этих условиях

в разные эпохи несправедливо пострадали по своим причинам, в т. ч. в силу излишней веры во всеобщую справедливость, но об отсутствии таковой в ближайшем столетии могли не знать и сами вожди, которые также платили дань постройке нового общества своим здоровьем, своим душевным покоем, своими поруганными именами и своими жизнями. Когда объявляли массам, что остановиться в своей борьбе и в своем труде придется только в коммунизме, - отсюда и слова песни - «В коммуне остановка!», - сами «верхи» уже хорошо осознавали, что тем самым навсегда повязали себя клятвой, этим революционным понятием и коммунистическим смыслом, борьбой и упорством для достижения этой цели как новым историческим явлением уже навсегда, от чего никак не откреститься даже при всем желании. Ведь программа максимум охватила вольно или невольно весь народ, оказавшийся в парадигме советской власти.

На самом деле, программой максимум нового социалистического строя стало достижение коммунистического общества, которое однажды должно было бы прийти на смену социалистическому, - имея возможность дать каждому уже не по его заслугам, а - попросту по потребностям. То есть в высшей степени - благополучному, богатому, условно, - без денег. Но «коммуной» с самого начала называлось все, что соответствовало представлению об образе жизни тех, кто только-только начинал строительство этого нового общества полного благополучия. И когда пели: «Наш паровоз вперед

летит, в коммуне остановка» - имели в виду и отделенное будущее, и сегодняшний день: ближайшее окончание революции, как осуществление программы минимум - и ситуацию, когда все остановились на одном – строительстве социализма и коммунизма; кто-то считал дело решенным: что паровоз уже встал на своей первой остановке, и уже этого одного было достаточно, чтобы считать дело большевиков (коммунистов) победившим, всю пролитую кровь оправдавшей.

При этом поколение, искавшее крупицу своего счастья и, может, все главное счастье в борьбе за светлые идеалы всеобщего равенства, за равноправный труд, равноправное распределение материальных благ по результатам совместного коллективного труда, оно, провозглашая все сделанное ради светлого будущего, не забывало говорить товарищам: что их подвиг, их труд, их жертвы не будут забыты и в будущих поколениях. В Революцию не было времени особенно подробно поведать о себе в воспоминаниях, но в мирном созидательном труде, в том числе пятилеток, уже выходили заводские листки, затем многотиражки, издавалось много газет и журналов о труде во всесоюзном масштабе. Важно было поведать о себе и всему СССР, и каждой республике, и каждому предприятию, и каждой организации, и отдельным коллективам, работникам, творческим личностям, ветеранам.

Наверное, мало находилось заслуженных ветеранов, ушедших на пенсию, кто не мечтал бы, чтобы опыт его жизни не был бы описан хоть раз хоть в какой-то статье, луч-

ше - книжке, чтобы о нем помнили дети, другие добрые люди, тем более, когда ветеран был новатором, придумал много технических усовершенствований, был инициатором патриотических починов, был участником войны или трудового фронта в тылу, перенес много трудностей, лишений, все перемог, добился многого. Таких были большинство из ушедших на заслуженный отдых работников предприятий и организаций. Важность поведать о себе состояла и в силу именно перенесенных трудностей и лишений, чтобы компенсировать это признанием, признательностью людей, новых поколений. На предприятиях, какими бы они крупными ни являлись, если имели свою газету-многотиражку, главные подвиги всех достойных работников были, хотя бы раз, упомянуты в статьях и очерках, а о многих писалось многократно. Важным для ушедших на покой, предавшимся счастью более частого общения с внуками, было осознание, что те не только с любовью, но и с восхищением взирают на своих дедушек и бабушек. Обесценивание труда советских людей в годы Перестройки стало для десятков миллионов людей их душевной трагедией, периодом утери веры в справедливость. И это было тем более драматично, что до того период социализма казался сплошь из больших просьб и заказов в адрес трудовых коллективов сделать что-то срочно, без перебоев, зачастую называя это и каким-то особо «важным заказом».

Вообще-то, любой заказ по выпуску продукции предприятием, или по выдаче проекта организацией и другими яв-

лялся важным для своей отрасли, если был утвержден таким и рано или поздно начинал выполняться. Однако бывали заказы, особо важные для конкретных предприятий в конкретное время, которые позволяли, например, получить дефицитное оборудование, ликвидировать какое-то «узкое» место, приступить к реконструкции и, следовательно, - улучшению условий труда, а также и активизации решения нерешенных проблем в социально-бытовой сфере. Бывали срочные заказы, которые предприятие, при наличии огромного запаса неиспользованных материалов, могло выполнить без труда, но, с учетом, что за этот заказ не брались другие организации, получить и повышенные премиальные дивиденды. Порой, директора брались за выполнение так называемых «важных» заказов без учета всех нюансов, которые последуют при их выполнении, что в ряде случаев не то, что не давало преимуществ, но и приносило вред.

Порой «срочность» заказов определялась не столько острой потребностью в его выполнении, а от того, что «срочность» давала больше гарантии, что работа будет выполнена хотя бы в ранее установленный срок. А, порой, - от того, что кто-то с трибуны заводского совещания или совещания в Специальном конструкторском бюро НИИ или Городского совета депутатов трудящихся вдруг укажет, скажем, - на некий наставший «важный исторический период на пути совершенствования социализма и строительства коммунизма».

Правда, такими высокопарными понятиями в трудовых коллективах оперировали только на собраниях и митингах, но - лишь в те периоды, когда коллективу поручали какое-то особо важное, трудное задание и в таких же условиях оказывались или могли оказаться одновременно множество других предприятий отрасли или всей страны. Такими периодами были период индустриализации, период Великой отечественной войны, период освоения атомной энергетики и космических программ, периоды «семилетки» Хрущева, «экономического стимулирования коллективов предприятий при работе по-новому» Косыгина и Брежнева, начальный период Перестройки, когда еще высокопарные понятия являлись естественным инструментом воздействия на сознание масс, когда требовалось поставить в единый строй всю страну. Все они были на самом деле историческими периодами, т. е. делающими следующий этап во многом уже отличающийся от предыдущего, ставшего отдельно рассматриваемой исторической эпохой социализма, как новой эпохой становилась и последующая после нее. Но объявление какого-то периода особо важным и историческим не гарантировало обязательное достижение всех поставленных целей, и даже оканчивалось провалом: расчет на «чудо» материального стимулирования с середины шестидесятых годов до, примерно, середины семидесятых годов; период «чудес» Перестройки. Причинами этих просчетов стало не знание всех законов движения советского социализма, которые удалось

расшифровать и описать только в более позднее время: это и в самом деле материальная заинтересованность коллективов, но при учете, что все предприятия и организации должны работать по единым правилам и в примерно одинаковых условиях трудностей. Ко времени Перестройки этот баланс стал постепенно разрушаться, не был исправлен, наступил крах идеологии коммунизма и за этим - неизбежная уступка народов СССР тоталитарным ценностям капитализма.

Народ воспринял Перестройку, поскольку, с одной стороны, ждал нового этапа развитого социализма и коммунизма с более спокойным, уже не столь запачканным сажей лицом, с меньшим количеством морщинок и глубоких морщин, с более счастливыми глазами. Все это наши легкомысленные либеральные «перестройщики» назвали позорно – «с человеческим лицом», будто до того трудились без человеческого, а, как бы. С лицом вола, не знающего продыху на пашне. Да, на самом деле, выражение валиться с ног от усталости – было не самым забытым в СССР, и оно отнюдь не обязательно было сродни метафоре «совершенно выбиться из сил».

Усталость от достаточно напряженной - в течение восьми часов в цехе, на стройке, в образовательном, медицинском учреждении или в конторе выполненной - работы, можно сказать, было вполне привычное состояние для советских людей любых слоев населения, от рабочих до ученых и деятелей культуры и искусств. В условиях, когда страна поднималась одновременно на тысячекилометровом простран-

стве, чтобы хоть минимально приблизиться к уровню западных стран по стабильности в экономике, культуре, градостроительной архитектуре, строительству дорог, мостов, портов и т. д., а также и современному европейскому быту, от всего народа потребовалось в поте лица трудиться целыми десятилетиями. Это заметно достигалось, особенно во время формирования европейской системы социалистических стран, когда все страны делились достигнутым опытом. Но СССР ставил перед собой отдельные амбициозные задачи, и труд оставался напряженным и трудным. Он оставался таким и у тех, кто был занят не в сфере производства материального продукта. Явление уставать, понятие «валиться с ног от усталости» продолжали оставаться привычными, и, как и прежде, - даже потребностью, чтобы ощутить и подчеркнуть свое единство со всем, вечно трудящимся над чем-то новым, советским народом, единство с идеями социализма. Кто не разделял такие чувства и убеждения, мог валиться от усталости хоть от чего, в том числе от избытка безделья, или же от того, что слушал слова о почете трудного труда ото всюду, портил себе нервы, болел.

Из числа таких людей, в основном, набралась та армия противников советской власти. Советского труда, русофобов, кто поставил своей работой заниматься вандализмом и глумлением над символами советской власти.

Когда-то такое могло быть только в период гражданской войны, когда защитники старого режима не принимали ни-

чего советского, большевистского, коммунистического, а за большевизм могли попросту расстрелять, сжечь, и в период Перестройки, когда многие взялись переписывать историю, наполнили ее своими смыслами, полными нелюбви к тем, кто, по их понятию, безропотно трудился в течение почти трех четвертей века в условиях советской власти. Стало добрым и хорошим все, что отвергает социалистические идеи и – более того – кто хулит все в советском прошлом. Немногим погодя из библиотек изымались почти все советские книги, уничтожались, хотя это прошло незаметно для всего населения страны: это делалось планомерно и тихо, под видом обновления книжных фондов, к чему люди были привычны. В период до распада СССР случаев вандализма и глумления над символами советской власти было немного, потому что и в период распада СССР большинство населения страны проголосовало за сохранение СССР, но, все же, в отдельных союзных республиках приступили к процедурам по отделению от СССР, от влияния России, и там, конечно, порой, снимались и сжигались советские флаги, замарывались краской памятники, подготавливались документы о переименовании улиц и т. д. Этих активистов-«вандалов» в Перестройку были всего лишь сотни, считанные тысячи, но недалекое антисоветское будущее оказалось как за ними, так и, в конце концов, - за миллионами, поддержавшими их. В том числе за рубежом – ныне мы это наблюдаем на Украине, в Польше, где сносят памятники – символы советской власти, со-

ветских побед. И им одинаково страшны и наши военные победы, и наш потенциал хозяйствования, и заранее не приемлемы наши методы и варианты хозяйствования, поднятия экономики России.

Что касалось вариантов хозяйствования в советскую эпоху, их могло быть множество, лишь бы предприятие выполняло возложенную на него функцию. Предприятия могли даже по своему усмотрению распределить заработанные денежные и другие материальные фонды, и все считалось нормой, если и вышестоящие органы не возражали, и коллектив не роптал. В понятие варианты хозяйствования относились и методы, позиция предприятий и организаций отстаивать свои экономические, социально-культурные, а также и морально-психологические интересы, поскольку материальное благополучие, фонды накопления всегда зависели от того, с какой мерой энтузиазма в коллективах готовы выполнять сверхплановые, сверхурочные работы, выходить на субботники и воскресники, участвовать в соревнованиях или мероприятиях по рационализации с целью достижения повышенной экономии сырья, материалов, всех видов энергии. Случалось, что предприятия отказывались выполнять заказы министерства, когда задача могла быть выполнена только при увеличении затрат энергии коллектива, а ему за это не предусматривалось дополнительного заработка. Даже в период «хозяйствования по-новому» - при разрешении коллективам расходовать деньги на премии и соцкультбыт при вы-

полнении ими плана необходимых налоговых отчислений, не имелось других вариантов благополучного хозяйствования, как только все время повышать производительность труда. Причем, всюду и при любых условиях хозяйствования, в том числе в любых климатических условиях

В этой связи, имеются и вопросы, как бы, отвлеченные и один из них можно взять, чтобы попытаться дать на него ответ с точки зрения, опять же, труда, людей труда в наших российских условиях. Это - «Ватники, полушубки, тулупы, валенки, унты».

Итак, попробуем разобраться и в этом. Посмотрим, с чем можно согласиться. Но это и важно, чтобы объяснить, отчего многие советские труженики долгое время выглядели слишком уж скромно, будто бедняки, даже оборванцы, будто и иной одежды у них не бывает, хотя на самом деле это было вовсе не так.

Географическое положение Российской Федерации, СССР навсегда предопределили ношение в течение, как минимум, полугода, всей этой одежды и этой обуви на основной части их географического пространства. Виды и качество зимней одежды и обуви в СССР отличались от зарубежных. Очень долгое время многие работники носили наиболее дешевые ватники, выдававшиеся на предприятиях, утепленные сапоги и валенки со специальными подошвами; постовые, охранники получали полушубки, тулупы. В СССР почти не обращали внимания на свой забавный вид, когда

одежда не в точности соответствовала размеру, лишь бы была опрятной и теплой: не всегда имелась возможность одеть каждого по его фигуре. Глядя на «русских», иностранцы, бывало, качали головами, посмеивались, презирали «отсталую нацию», но, попадая в российские экстремальные холода, спасались такой одеждой и восторженно отзывались о ней. В стране придавали всегда большое внимание зимним видам одежды; хорошее снабжение зимней формой во время войны ускорило разгром фашистских орд под Москвой, тогда как враг позорно перемерз; примерно, то же было и под Сталинградом; и злые насмешники не гнушались обертываться даже половыми тряпками, лишь бы уцелеть. Традиции умело противостоять самым жутким холодам во многом способствовали покорению советскими учеными-первопроходцами огромных просторов Арктики и Антарктики.

Открывались новые месторождения, на рудниках, в близости от них, от поставщиков сырья и потребителей продукции вводились в строй какие-то новые производственные мощности, заводы, фабрики, комбинаты производства стройматериалов и другие.

Скажем сразу боле развернуто: это касалось и основных, и дополнительных мощностей. Основные мощности также зачастую достигались не одновременно, а вводясь поэтапно или как бы поэтапно – не от хорошей жизни, а по мере возможностей их финансирования, снабжения техникой и людскими ресурсами. введение в строй каждой производствен-

ной мощности, являлось ли это вводом в строй новой станочной линии, или транспортировочного узла и тому подобного, было знаменательным событием и с точки зрения повышения возможностей организации, и от того, что делало участниками и свидетелями осуществившегося технического чуда массы людей, укрепляло в них веру в осуществление любых сложных программ, поднимало техническое творчество, дух инициативы. Это всегда было фактом при введении мощных производственных мощностей, но зачастую и тогда, когда вводились в строй незначительные единицы новых производственных, дополнительных, мощностей, например, и при замене прессы с давлением три тонны, на «десятитонный» пресс и так далее. Случалось, что намерение ввести в строй новые производственные мощности не доводилось до финального конца, старое оборудование могло быть демонтировано, передано другим организациям или сдано на переплавку, а новое так и не вступило в строй или не достигло запроектированной мощности, в том числе по причине того, что его приняли и установили там, где для этого не имелось или не было создано необходимых условий. Однако метод проб и ошибок при вводе новых мощностей на предприятиях в масштабах страны хотя и приносил свои колоссальные убытки, все же, гарантировал непрерывное неуклонное техническое переоснащение всех отраслей, где в основном рано или поздно, теми или иными способами добивались рентабельности при освоении своих новых мощностей.

Все это было тесно связано с тем, какие условия по качеству продукции оговаривались между заказчиками, проектировщиками и строителями, монтажниками и наладчиками производственных линий. До полной обкатки. Пуска всех мощностей предприятие могло обкатывать и качество, то есть использование по тем или иным технологиям, с их экспериментированием, сырья, например. Затем все обкатывалось до такой степени, что необходимо было стабильно выдавать продукцию максимально достигнутого – при тех-то технологиях и тех-то мощностях – качества работы и качества выпускаемой продукции. Наконец, появлялись лучшие в труде по качеству, соперничавшие со стахановцами, ударниками труда: те выдавали много продукции при допустимом уровне качества. Борцы за отличное качество, за бездефектное изготовление продукции – те были особая каста работников.

На определенных участках изготовление продукции частью работников только хорошего и отличного качества в течение долгого времени доказывало, что эти работники даже не нуждались в лишней проверке службой отдела технического контроля. Существовали даже патристические почины «За сдачу продукции минуя проверку ОТК», «За работу с личным клеймом качества» и им подобные. Они были распространены по всему Союзу. Получение высокого доверия – возможность ставить на свою изготовленную продукцию клеймо качества – не обязательно означало, что ра-

ботник получал больше зарплату или больше премий, чем тот, кто, даже допуская определенный, официально утвержденный процент брака, также справлялся со своим планом по количеству и качеству продукции. Сдача продукции с индивидуальным клеймом качества, однако, не гарантировала формирование товаров стопроцентно только хорошего и отличного качества: все же, существовал и выборочный контроль тех, кто якобы работал вовсе без контролеров. В масштабах страны доверие к лучшим работникам оказывало на их настроение и трудоспособность колоссальное позитивное воздействие. Но повышенная ответственность поневоле рождало и повышенное напряжение. Оно являлось частью загадочной энергии социализма, всегда обеспечивающей ему необходимую сверхприбыль.

Вообще, отличительной системой социализма было постоянное использование вновь и вновь вскрываемых каких-то до сих пор неизвестных либо мало вскрытых резервов – сырья, всех видов энергии, людских резервов - то есть трудовых ресурсов, это достигалось энтузиазмом огромных масс трудящихся повсюду в виде рационализации, то есть технического творчества при желании облегчить работу на своем участке работы, совершенствования рабочих приемов, технологий, использования материалов и энергии и так далее.

Всегда при этом внушалось, что все пойдет в прок, ради улучшения общего дела. Практикой было и, как это не про-

звучит странно, - некое сознательное заблуждение – вера в то, во что хотелось верить, но реализация чего стояла под вопросом и даже под большим вопросом. Имелась при этом и практика ввода в заблуждение работников, скажем, ради решения сиюминутных задач.

Правда это сиюминутное – и было реальной работой всюду и в любой момент времени. Принятие посылов социалистической идеологии, даже и тех в ней, когда в обещанное не верилось, но было выгодно не заострять на этом внимания, невольно распространяло практику и во всех трудовых коллективах, когда ради осуществления каких-то задач руководство шло на то, чтобы ввести коллектив в заблуждение. Например, несколько месяцев держать работу в состоянии штурмовых дней под обещание, что вот-вот будет выбито в министерстве получение разрешения на строительство своего дома культуры. Но такие, надо сказать, как бы, негласно оговоренные хитрости, обман всегда несли свои негативные последствия: коллективы затем долго помнили нанесенное оскорбление, таили обиду, и они могли даже, как бы, шантажировать руководство. Если тяжелая атмосфера долго не рассеивалась, - вышестоящее начальство старалось заменить руководство, с выговорами. Но те же, снятые с постов руководители могли быть направлены на те же должности в другие организации, или даже на более высокие посты, - как доказавшие, что любыми методами способны выполнить важную государственную задачу. Как правило, обиженным кол-

лективам старались компенсировать их авральный труд премиями тогда, когда это становилось реально возможно. Затем ситуация, в принципе, могла повториться.

Можно сказать обо всем этом иными словами, чтобы суть прады и истины об этом явлении, осталась той же? Мы говорим о понятии – «обещания и ввод в заблуждение». И мы рассуждаем так. При постоянном преодолении различных трудностей в работе, когда существовал дефицит в материальном продукте, трудовых и временных ресурсах, коллективам была необходима вера, что без выработки дополнительного ресурса затрат неоплачиваемой энергии, большая задача решена быть не может. Все воспринимали обязанность поделиться такой энергией как необходимую дань социализму, его строительству и укреплению его будущих рубежей. Эта обязанность воспринималась тем более легко и охотно, когда людям обещали что-то очень хорошее, светлое в недалеком будущем, хотя каждая пятилетка давала новые задачи, и все лучшее, как всегда, оставалось впереди. Однако народ не пребывал только лишь в данном добровольном заблуждении, он пребывал и в убежденности, что при социализме необходимо быть в состоянии этого вечного заблуждения; его старшие поколения адресовали младшим – тем, кто, хотя и видел некую усмешку, сомнения, жалость к ним в глазах отцов и матерей, - принимал эстафету добровольного заблуждения как дань уважения предкам, дань любви к Родине, а также и дань мечте: а вдруг да удастся построить об-

щество всеобщей справедливости, а нет - так останется добрый опыт.

Попробуем также еще раз иначе рассмотреть понятие, смысл. Явление – «Ввод в строй действующих».

Для миллионов людей, которым посчастливилось быть участниками и свидетелями ввода в строй каких-либо новых объектов строек, предприятий и организаций, это событие воспринималось как, своего рода, чудо. Большинство в коллективах предприятий составляли выходцы из сельской местности, и своеобразное оживление всего, что было создано из металла, железобетона, что было переплетено трубами, путепроводами, кабелями и проводами и т. д., производило неизгладимое впечатление. Миллионы людей, вступая в сферу такого труда, позволяющего выпускать гигантские масштабы изделий, даже и за один день, навсегда влюблялись в промышленное производство, в атмосферу коллективного управления им, атмосферу профессионализма, высокой ответственности с одновременной возможностью хозяйствовать и хозяйничать в организациях, в том числе активно участвуя в различных общественных мероприятиях. Особенно много возможностей для этого имелось у тех, кто стоял у истоков ввода в строй предприятия, прилагал усилия, чтобы в трудных условиях самоотверженного труда ввести его в строй действующих, имел право на первоочередное получение выгодных, любых почетных должностей. Большинство из них являлись истинными вдохновителями сме-

лых технических начинаний, - и это тоже было явлением.

Что тут можно сказать? Перед коллективами, порой, проблем впереди вставало так много, что очевидным становилась простая истина: если эти проблемы не устранить самим, то они могут сопровождать коллектив еще долгие годы, включая технические проблемы, несовершенные технические линии, технология использования имеющихся мощностей, излишние потери материалов при изготовлении изделий и др. В любом коллективе с такими проблемами в какой-то момент ядро сотрудников, не согласных мириться с таким положением вещей, предлагало взяться за рационализацию, что-то придумать, что-то к чему-то приделать, или, наоборот, - что-то лишнее удалить, то есть усовершенствовать в сложившейся ситуации. Это ядро вдохновителей могло предложить очень смелые, сложные технические решения. За них брались, порой очень дружно, добивались успеха. Эта работа могла занять и много времени, например, и столько, когда уже централизованно поступали более совершенные технологические линии, и вся рационализация попросту шла на свалку и в металлолом. Однако это не вменялось в вину вдохновителям начинаний, потому что, в основном, на том, что люди придумывали сами на местах, переделывая что-то, порой, очень значительно, десятилетия стояла вся экономика. Понимая свою нужность и незаменимость, миллионы вдохновителей смелых технических решений стойко преодолевали нагромождения всех трудностей и

вдохновляли свои коллективы. И когда нужда в постоянных переделках не доведенного до ума стала отпадать, стал постепенно отмирать «класс» вдохновителей, а с ним - и всеобщий советский энтузиазм, базирующийся на самоотверженности в труде.

А для социализма трудный труд был попросту необходим, он содержал в себе самоотверженность, вдохновенность на этот самый «трудный труд», то есть тот, который в результате своей трудности рождал сразу что-то яркое, заметное, но не среднее, серое. Например, даже подготовка заделов на завтра на стройке, чтобы бригада, объявившая себя ударной, не ударила лицом в грязь. Или прокладка после работы грейдерной дороги в рабочем поселке, который решал проблему с чистотой, подвозкой грузов на технике. Без вдохновенности и нацеленности именно на это – получался, как бы, обычный, не выдающийся итог.

Труд, если он был легким, только приятным, не требовал особой вдохновенности от работника: он приходил на рабочее место, отработывал положенное, и это повторялось. Но трудный труд, очень необходимый в период социализма, - труд, нацеленный на решение текущей задачи и долгосрочной, общей, одновременно, мог быть только вдохновляемым. Без вдохновенности на труд многие работники попросту потеряли бы ориентиры в жизни. Многие высокоразвитые в техническом и культурном отношении страны Запада выглядели привлекательно, труд их работников более легким, при-

ятным, и в СССР только осознание, что на Западе поднимают свое благосостояние, - в том числе за счет эксплуатации других народов, империалистическими методами, - делало трудный труд советских людей в их глазах несравнимо более благородным, хотя в определенные периоды и несравнимо более тяжким, трудным. Очень многие советские люди сознательно брали на себя более тяжелую ношу труда в производстве не только для того, чтобы больше зарабатывать, но иметь больше почета и иметь к себе большое самоуважение.

Тут что... Советское народное хозяйство поднимало себя в парадигме провозглашения диктатуры пролетариата, что означало, по крайней мере, что труд рабочего столь же полезен (или не бесполезен), как и труд любого другого работника промышленности. Однако при этом существовали не только различные профессии и специальности, но рабочие разряды, классность инженеров, различные должности, субординация, необходимость признавать начальство, ему подчиняться, даже если начальник казался менее достойным, чем иной рядовой, и другое. В этих условиях компенсацией за это неравенство для миллионов рабочих, рядовых строителей, бригадиров, мастеров являлись их высокий почет, награды. Награды давали право иметь свое авторитетное слово на собраниях, перед лицом начальства, перед молодежью, на выступлениях в школах. Каждая такая награда вдохновляла и любого начальника, у которого имелось свое начальство, на его трудовые свершения. Награждались и целые предпри-

ятия и организации. Принимая награду от имени коллектива, благодаря за нее, руководство нередко заверяло, что заслуженная награда является и авансом коллективу за его дальнейшую плодотворную и самоотверженную работу. Такое положение дел у одних вызывало вдохновение, а у других усмешку, некоторое равнодушие к тому, награждают коллектив наградами или же нет - если каждую награду надо, как бы, еще и отработать. Правда, награждение организации всегда сопровождалось выдачей премий всему коллективу: это не оставляло равнодушным к событию никого. Впрочем, как и любые вдохновляющие итоги.

Вся система промышленности базировалась на гарантированном выполнении производственных и государственных планов; то, чего не добивались по итогам месяца, квартала, года, то обязательно достигалось к концу пятилетки, и чаще всего с перевыполнением плана. Советская система развития отраслей, промышленных предприятий и стройорганизаций была очень эффективной, указывала на невиданные в мире рекорды, хотя в чем-то и уступала по производительности труда на операциях жесткой капиталистической системе развитого Запада. При подведении итогов, на Запад не оглядывались, а сравнивали с тем, что было достигнуто ранее. Как правило, эти итоги впечатляли и вдохновляли на новые свершения. В принципе, любой итог, когда нес с собой выполнение задания, плана – был хорошим итогом, потому что выполнение любого месячного, квартального, годового

задания требовало определенного количества затрат труда, нервов, переживаний, ожиданий и надежд.

При таком положении дел все коллективы время от времени отмечались как победившие, чтобы победа выглядела убедительно – устраивали смотры по тем видам работ, в которых коллектив был или мог быть лучшим. Как лучших, их, конечно поощряли.

Таким образом, в различных смотрах-конкурсах, так или иначе, принимали участие все без исключения трудовые коллективы страны, и каждый из них являлся ведущим в определенной сфере достижений, на которые был способен более других. Любой производственный коллектив, не являющийся патологически отстающим, удостоивался каких-то призовых мест, хотя бы и в области развития художественной самодетельности; долго не получая призовых мест, в нем обязательно найдут способ хоть в чем-то однажды да отличиться, а не найдут сами – им подскажут из профкома, парткома или комитета ВЛКСМ. Общая работа в организациях должна была вестись только на трудовом подъеме с определенным уровнем настроения и настроая быть не хуже других. Для этого было важно и отстающим время от времени дать возможность стать лидерами, на такие участки обращали больше внимания. Имелись цехи, отделы, предприятия и организации, которые по целому ряду показателей - производительности, чистоте и культуре производства, работе с молодежью и так далее очень часто в различных смотрах конкур-

сах занимали призовые и ведущие места.

Здесь мы наблюдаем удивительный феномен, который можно назвать производственной, советской вежливостью. Коллективы соревновались, боролись за классные места и премии, но прекрасно понимали, что надо «не зарываться», не быть жлобами, а позволять быть первыми в чем-то и получать свои дивиденды другим.

Что касается советской коллективной, общественной, бытовой и прочей вежливости, вежливого обслуживания, то если вежливость являлась чертой каждого отдельного человека, коллектива, то вежливое обслуживание было явлением социализма. Надо прямо сказать, это обслуживание было относительно вежливым, поскольку не каждому излишняя, «приторная» вежливость была и по сердцу, многим нравилось, когда с ним обращались по-простому, по-дружески, по-братски, с шутками-прибаутками. Нормальным, к примеру, было, если продавец ждал вежливости в его представлении от покупателя, а тот, наоборот, от него, и каждый считал себя правым. Вообще, вежливостью во многих случаях служили доброжелательность, добродушие, осознание общей нелегкой судьбы и – как следствие - товарищеское понимание, взаимовыручка, свойский товарищеский тон, а в сфере обслуживания – часто вместо улыбок и подчеркнутого внимания - подчеркнутые деловитость, сухость и строгость, что уже было неплохо, потому, что много было также равнодушия, грубости и хамства – по причине непрофессионализма; и от то-

го, что все в обществе, в основном, чувствовали себя равными остальным и не особенно заискивали ни перед кем. Обслуживание населения в домах отдыха, гостиницах, поездах, столовых, парикмахерских, медицинских учреждениях, учреждениях торговли и так далее осуществлялось, в основном, на среднем удовлетворительном уровне, очень часто и хорошо. В сфере обслуживания зарплаты были не очень высокие, и работники этой сферы не считали себя обязанными быть слишком уж вежливыми с теми, кто был также не богат, ничем особенным от остальных не выделялся. Хороший тон, доброжелательная полуулыбка вполне удовлетворяли почти всех.

Можно рассмотреть и такое явление, как вежливость, грубость и хамство... передовика. Это все для такого также имело свое место.

Мы говорим, что заслуженному человеку нечего было стесняться, когда его хвалят. Поощряют, ставят в пример. Передовики, прославленные герои труда, некоторые из них могли быть в тех условиях и не слишком скромными, даже заносчивыми, ведь и они тоже люди. Или одним из критериев наградений той же Золотой Звездой была и обязательная скромность?

Нет, конечно, никакой лидер не может слишком уж скромным. Поскольку это похоже на робость, а робкий человек не мог быть лидером там, где всегда работал контингент настоящих личностей, людей с твердой волей, тверды-

ми убеждениями и здоровыми амбициями. Но что правда, то правда, подавляющая часть передовиков труда были людьми очень уважаемыми, приятными в общении, даже и скромными, но скромными настолько, насколько сильный человек представляет себя более слабому. Это, в общем, чувствовалось многими, если не сказать, что всеми. И от того подчеркнутая скромность иных из особо выдающихся людей, особенно Героев Социалистического Труда или Героев Советского Союза делала их в глазах рядовых чуть ли не небожителями. Однако определенная часть людей выбивается в лидеры из внутренней потребности давать советы, указывать, повелевать или скрыть свои слабости, получая возможность выгладеть, как бы, и умнее, и опытнее, и полезнее для коллектива, для общества. При отсутствии большого ума, такта такие лидеры, передовики производства могли быть и кичливыми, и высокомерными, и задиристыми, и гоношистыми, а то и грубыми, проявляя и хамство – то есть отвечая на добро, предупредительность, готовность более умного и тактичного человека быть подальше от шума и скандала, повышенным тоном недовольства, гонором, в том числе с указанием на собственные заслуги.

Какой-то мудрец сказал, что тот, кто ставит себя умнее других, его не слушают и не уважают.

Но мудрецом, а также и с определенными высокими яркими качествами надо родиться, надо воспитать себя в определенной среде. Тут как кому повезет?

Везение и невезение...

Разумеется, общество, хотя многое и делалось тоталитарно, универсально, где одно подстраивалось под другое в свою социалистическую гармонию, все же не было обществом-автоматом, где все расписано по полочкам. Итак, жили как и всюду: кому везло больше, кому меньше?

Любое достижение гармонии предполагает достижение некоей универсальности, в ее алгоритме, кажется, нельзя извлечь ни одну составляющую, чтобы не рухнула вся система. Это так. Никто этого и не вынимал. Старались. Чтобы все работало, как хорошо настроенные часы. Но социальная жизнь не механика. Каждый получал по мере заслуг. Кроме того существовало везение и не везение. Им, в той или иной степени, в тех или иных случаях, был наделен каждый работник – могло повезти с наиболее лучшим рабочим местом, станком, начальником, должностью, окладом, поступающим металлом и другим материалом, с погодой, с соседями и так далее. Предприятию, коллективу строителей могло повезти, когда обсуждался вопрос, какому из них отдать предпочтение при выделении денег на реконструкцию или осуществление реконструкции, выделении средств на усиление позиций соцкультбыта, выделении большого количества путевок в престижные санатории страны, количество мест для зарубежной поездки, в том числе по обмену опытом и пр., а также, если пришел очень хороший директор, прислали очень хорошего главного инженера; или в коллективе на

его политику и успех стали играть положительную роль его главный технолог и главный конструктор. Везло, когда не трогали, чтобы ликвидировать предприятие или перебазировать на другое место, везло, когда, наоборот, перебазировали на новое место; когда при необходимости нового строительства рядом уже имелись железнодорожные пути, узкоколейки, очень большие запасы артезианской воды, обнаруживались запасы инертных материалов; когда рядом имелся хороший совхоз, становящийся по партнерскому соглашению поставщиком свежих дешевых продуктов в столовые и так далее и так далее. Невезучих коллективов практически не было, любое предприятие не могло функционировать без постоянных усилий на совершенствование его работы, но количество менее везучих коллективов было в равной степени по отношению к более везучим из них.

Наверное, это тоже один из законов гармонии. Но существовал определенный вектор направления, одинаковый для всех?

Он определялся генеральными задачами правительственных органов, министерств и ведомств, дающих развитию той или иной организации определенный вектор направления ее деятельности. Но нередко путь предприятия, его задачи, его лицо определяли выдающиеся достижения их главных конструкторов или главных технологов, изобретения, открытия, а также, порой, - и традиции, достижения, многократно занимаемые передовые места в различных соревнованиях, что

могло обратить на организацию более пристальное внимание руководства страны, отрасли. Нередко именно такое предприятие или такую организацию начинали отбирать целенаправленно в связи с какой-нибудь общесоюзной политической кампанией или в связи с проведением реформ, когда предприятие назначалось, например, головным в создающемся производственном объединении, или оно должно было стать опытным при освоении каких-то важнейших технических проектов, выпуска новых изделий впервые в СССР, и на нем обкатывался новый вектор технического направления.

И все же это трудно сегодня поверить, что работали, как говорили, не за страх, а за совесть. Говоря о страхе, мы имеем в виду опасение показаться коллективу не своим, не оправдывающим доверие, то есть мы говорим о совести через страх. Ну и, конечно, в тоталитарное время репрессий, во время войны могли бояться, например, опоздать на работу, получить срок.

Тот, кто так мыслит всерьез, тот близок к истине в первом и во втором случае, но также настолько же и далек от нее. Повторим то, о чем уже говорили. Короткий страшный период репрессий был аномалией в сравнении с основным объемом позитивных черт социализма, партия это осудила. А во время войны, хотелось бы сделать замечание, за опоздание на работу могли судить, если опоздания повторялись на определенное время, да и то, в основном, для острастки

другим, не часто, потому что все были уважаемы и ценилась на вес золота любая пара рабочих рук. А что касается совести тружеников, то не по долгу службы, а по велению совести работало большинство советских людей, особенно тех, кто вступал в партию, являлся членом ВКП (б), КПСС. Часть из вступающих в партию имела целью иметь фундамент, необходимый в случае, если появится возможность карьерного роста, или кто-то делал карьеру по партийной линии. Но в основном, даже определение «советский человек» подразумевало то, что советский работник должен выполнять работу самым добросовестным образом без всякого, а тем более лишнего, контроля. Многие работали лучше, когда их оставляли в покое, полагаясь на их добросовестность, на их совесть; либо когда работники ощущали, что за ними постоянно наблюдают, но не вмешиваются в процесс работы, - не мешая и, тем не менее, - отмечая добросовестность, в том числе для дальнейшего поощрения добросовестного. Когда работники были уверены, что их труд по совести обязательно будет оценен, они работали очень добросовестно, и причем здесь страх; когда они не были в этом уверены – часть из них могла работать уже спустя рукава, тогда как другая часть продолжала работать, как и всегда, только хорошо и только по велению партийной или советской совести. Работать добросовестно также было хорошей привычкой, хорошей школой труда.

С такими людьми действительно было по плечу постро-

ить коммунизм, если бы исторические законы, а тем более объективные обстоятельства противостояния с Западом, высасывающим гонкой вооружений наши ресурсы, это позволили. Они, по крайней мере, благодаря «великим стройкам коммунизма» создали базу индустриализации. Так ли велики были эти стройки?

Судите сами, ведь частично этой самой базой коммунизм был построен, так я считаю, и даже в этом убежден. Сегодня это особенно очевидно, когда смотришь на то, что творится вокруг, какое отношение у многих сильных мира сего к труду, какие они строят планы относительно России, какие разрабатывают экономические и политические генеральные планы. Неплохо бы поучиться у прежнего правительства. Как мы знаем, по генеральному плану индустриализации СССР, - а индустриализация актуальна сегодня, как спасительная сила России,- определялся большой ряд первоочередных - для строительства гражданских, промышленных и прочих объектов, задач, в том числе для реализации различных технических долгосрочных проектов, включая укрепление оборонного комплекса страны. Планы эти, хотя, порой, с великими трудностями, в основном, выполнялись. Некоторые особо важные стройки и стали называть «великими стройками коммунизма», в дальнейшем любые крупные промышленные объекты могли попасть в разряд «великих». При этом в связи с различными обстоятельствами, в том числе недопоставками зарубежного оборудования,

невозможностью реализовать какие-то технические планы иные великие стройки коммунизма могли уступить место тем, что «великими» заранее не являлись, но становились такими по объективным причинам. Иные всесоюзные стройки могли испытывать большие трудности с возведением жилья, с продовольствием, тогда как менее известные стройки - становиться более привлекательными по ряду своих причин. В принципе, вся страна являлась стройкой коммунизма, и это состояние имело место вплоть до Перестройки восьмидесятых годов.

Великий Октябрь превращается в Российскую революцию, без акцента на эпоху великого советского социалистического труда? Но люди имеют право и на перестройки, и на революции. Это касается и революции 1917 года, Великую Октябрьскую революцию?

Мы обязаны говорить правду, точно и иметь в каждом ответе и позитивное и негативные составляющие одного и того же рассматриваемого явления. И быть философами, конечно, а это допускает очень глубокие мысли, в которых много вопросов и самому себе. Советского рабочего права на Октябрьскую революции не может быть объективно, поскольку лишь только после государственного переворота и социально-политической революции при становлении новой исторической эпохи сложилось Советское рабочее право: после этапа Февральской революции 1917 г. до октября 1917 г. Но ссылка на революцию получила наименование

Великий Октябрь, или Великая Октябрьская социалистическая революция. Воспринималось всегда как неподверженная сомнению величина свершившегося необходимого для народа и великого в мировой истории. Не «великим» тот же Октябрь можно видеть при негативном отношении к революции и нежелании признать ее неизбежной - после того, как пожелавший коренных перемен и порядка народ поддержал тех, кто в России оказался способен взять всю власть в свои руки.

Так ли было велико значение таких явлений, как «великий почин - субботники и воскресники»?

Принято считать, на субботники и воскресники продолжали выходить, поработать бесплатно, а кто-то умудрится сказать, что и – из-под палки, заставляли.

Не вовсе бесплатно, и не из-под палки, а на самом деле в основном, за исключением определенного контингента граждан, по велению души и по велению совести, а также и просто от уважения к порядку, к коллективу, к традициям, да и от осознания, что приносишь ту пользу, которой, ней выйди на субботник, может не быть. Ведь это, прежде всего, почин выхода коллективно поработать где бы то ни было, чаще всего с уборкой улиц, территорий, цехов, на первый взгляд без дополнительной оплаты за труд. Это было хорошей традицией, которая не даром жива и сегодня, хотя почин уже не называют коммунистическим. В первом субботнике принял участие основатель советского государства В. И. Ленин.

В последующие пятилетия и десятилетия после начала практики субботников и воскресников они ежегодно в весенний период позволяли молниеносно навести идеальную чистоту вокруг предприятий и организаций, провести озеленение, включая посадки деревьев и кустарников, а также, наконец, разобрать завалы там, где в будни не хватает рабочих рук, техники. Являлось практикой работа в субботники и за рабочими местами, хотя и не полный рабочий день, и такой труд мог частично оплачиваться. Всегда подводились итоги: сколько какой коллектив сэкономил средств, которые можно было пустить на социальные дела; заработанные от субботников и воскресников средства направлялись также адресно в различные фонды, например, - и Фонд мира. Ради истины надо сказать, мало кто понимал: куда и почему именно от субботников и воскресников направляются денежные отчисления, да это большинство и не волновало: надо было поработать – приходили и работали, с хорошим настроением, часто с весельем; отдельные группки – незначительный процент работников - могли затем распить бутылку вина, водки и разойтись по домам – это не приветствовалось, но и не возбранялось, поскольку вне рабочего места и времени каждый был волен делать, что хотел. Так что понятия «коммунистический субботник» отнюдь не означал автоматическую отмену житейского. На житейском все и держалось, вовсе не на разнарядках сверху.

Что ни говори, а советская душа также загадочна, как и

русская. И, может, в этом нет особого отличия? Имелась ли особая советская душа? Я-то уверен, что имелась.

В период социализма, то есть советской власти, народ пришел, уже имея свою русскую, российскую, подданническую душу. Каждый человек, живший при царизме и после отречения царя-императора от власти, и при социализме, оставался тем, кем был от рождения - с душой, своим характером, набором наследственных характеристик, предрасположенностью, амбициями, мечтой, какой-то верой – во что-то. С этим, уверен, никто спорить не станет. Каждый человек при этом, не только именно советский, оставался великой тайной, имея душу, в которую заглянуть мог бы только Господь Бог. Все это хорошо понимали и в период так называемого, воинствующего атеизма, богоборчества, где истинно верующих оставались считанные проценты людей. Но верующими в глубине души, в силу крепких традиций веры предков, являлись практически все. Советские реформаторы, строя новую идеологию новой эпохи, за основу взяли многое из практики русского православия, мусульманской идеологии социального, иудаизма, в том числе - при реализации своих планов строительства социализма и коммунизма - учитывая, прежде всего, то, что требует для себя простая душа массового советского человека.

От этого социализм стал формироваться из множества микро исторических новых явлений, которые создавали на рабочих местах и в семьях сами работники, где рождались

новые рабочие приемы, способы и методы труда, новые приемы и методы коллективных и семейных отношений, формирующих в итоге всю модель и конструкцию практического советского социализма: снизу вверх.

Согласен со всеми подобными гипотезами. Таким образом, великое таинство советского социализма было произведено на свет великим таинством человеческой души народов СССР, стремящихся ко всеобщей справедливости, во главе которой стоит один Господь Бог, государство, глава государства, начальство. В сознании советских людей с советской душой всегда жила готовность пожертвовать всем ради осуществления, признанных легитимными и обязательными к исполнению, повелений верховной власти. Это всегда было трудно понять тем, кто не ощущал в себе советского человека, но таких, живших при социализме и старавшихся стоять в стороне от социализма, в СССР было не так много.

Это те, кто не принимал советские понятия, смыслы, явления. Как и тот же Октябрь, то есть то, что называли Великой Октябрьской социалистической революцией, не желая понимать. Что был и переворот, а затем пошли и поистине революционные преобразования.

Интерес к этому вопросу не исчезает никогда, даже и при неоднократных попытках объяснения и расшифровки данного на самом деле великого феномена нашей истории. Это говорит о том, что Октябрьская социалистическая революция не была мифом, и она на самом деле была, как называли

ее, Великой. И это была подлинно народная революция людей труда, с энтузиазмом поддержавших идеологию, отрицающую сословность, верховенство богатых над бедными. Кто не трудится – тот не ест.

Уже после закрепления данной парадигмы, как умозрительной, вошедшей в сознание советских людей и жизнь советского общества в качестве пропагандистской, Великая Октябрьская социалистическая революция стала восприниматься и даже рассматриваться, как предопределенная временем, условно неизбежная. Но только в сложившихся после Февральской революции обстоятельствах она стала подлинно неизбежной - в условиях, когда кто-то из имеющих силы на захват власти в условиях сильного ослабления законной власти мог осуществить государственный переворот, и этим кем-то оказались силы, продвигающие идеи социализма и коммунизма. Все последующие реформы были поистине революционны – но революционны по-социалистически, большевистски, коммунистически, вплоть до реформ Перестройки второй половины восьмидесятых годов. Великая Октябрьская социалистическая революция до этого времени в течение более семи десятилетий являлась точкой отсчета строительства новой социалистической жизни в СССР и крупнейших социальных завоеваний - благодаря примеру СССР - в других странах мира. Она – воистину великая.

Не это ли ее величие позволило называть великим многое, даже и роль ее лидеров. Так, мы говорим о великой роли

Ленина, Сталина... Что тут хотелось бы добавить?..

О роли Ленина в ней особых споров нет. Но как, на самом-то деле мы смотрим на роль И. В. Сталина? Роль практика его известна, но был ли он в действительности большим мыслителем социализма?

Иосиф Виссарионович Сталин стал преемником основателя социалистического государства, Владимира Ильича Ульянова-Ленина и, заняв верховенство власти, он должен был учитывать чаяния и выполнять волю нового советского народа. В сознании людей он не мог быть не величайшим мыслителем и государственным деятелем, поскольку бросившие вызов всему миру социализм и СССР считались в советском сознании великим благом и спасением человечества. Народ поддерживал нового вождя вплоть до его кончины. К счастью, Сталин при всех человеческих слабостях оказался одним из умных руководителей и способствовал спасению и укреплению социализма, насаждению его в других странах, что привело и к глобальным социальным позитивным изменениям и во всех развитых капиталистических странах мира. К несчастью, помимо сильных и хороших черт, слабые и дурные черты Сталина принесли и столь же ощутимые и очень чувствительные для народной души негативные явления. В любом случае, роль Сталина осталась в истории СССР, России, мира чрезвычайно значительной.

Но без Ленина, Сталина российский народ обладал бы тем менталитетом, который он получил в период социализма?

Менталитет русского народа, ведущего родословную от Киевской Руси, а до того, несомненно, - от других великих государств и народностей, в том числе сложившись от них, как от скифов, руссов, включая казаков, и др., являвшихся доминирующими, всегда предполагал особый уровень амбиций русских, россиян, всех сливающихся с ними духовно и кровно этносов и народностей. С детства в душе каждого русского, россиянина жила убежденность о величии и особой роли России; потребность выделяться, являться представителем особого народа в России была естественной, хотя потому же и всегда амбициозной, особенно с точки зрения ее соседей, многократно пытавшихся покончить с ее силой. Даже объединяясь, военные силы с Запада и с Востока не могли осуществить этой задачи, и Великая Россия для многих ее народов стала не только их желанным домом, их общей семьей, но и непокорной и неподвластной никому, во веки веков, общей Великой Родиной. Многократные попытки врагов и недоброжелателей России подорвать ее величие изнутри, порой, приводили к определенному успеху – сключению народов не русской национальности к отделению от России, ослаблению ее позиций; однако огромная привлекательность русского менталитета многократно возвращала соседние народности в общий строй великой российской братской семьи.

Мы говорим о величии старой и новой России, о величии Советского Союза, величии его народа-труженика. Он созда-

вал много великого, и создал, в том числе величайшее из чудес мира - Московское метро. И вы также отдали этой работе много времени в своей жизни, являясь одним из участников и свидетелей великих преобразований. Откуда бралось столько материальных ресурсов, чтобы создавать настоящие дворцы под землей. Часто приходилось видеть гранит и мрамор с разрушенных советской властью архитектурных сооружений, Храма Христа Спасителя?

С первых дней Октябрьской революции большевики, партийные лидеры, идеологи коммунизма и социализма обещали отдать на службу народу бывшие царские дворцы, строить новые – советские, не уступающие по красоте и величию царским, дворянским, помещичьим, и на это у советской власти попросту не оказалось достаточных средств. Хотя новые замечательные произведения архитектурного искусства, наряду в том числе с конструктивистскими, появились, многие силы были брошены на создание архитектурных шедевров – залов подземного транспорта – метро. Они оказывали потрясающее воздействие на сознание масс, попадающих из мира строек, полу-разрухи и, пока еще, доминирующей серости в мир величественных, красивейших станций метро: мир света, прохлады, красоты, позолоты, гранита и мрамора. И это было построено руками, одухотворено мыслью уже социалистических тружеников. Метро должно было играть роль, наряду с транспортными функциями, - пропаганды безграничных возможностей советского народа, какую,

несомненно, метро играет и сегодня, предоставляя современным постсоветским метростроителям поспорить в оригинальности с прошлыми, а каждому пассажиру восхищаться архитекторами и строителями новой российской эпохи. Несомненно, широчайшая сеть метро с самого начала планировалась с учетом использования при отделке его зданий и подземных залов станций гранита и мрамора, снятого с уже построенных до революции зданий российских столиц, что позволяли революционные планы переустройства Москвы и Ленинграда. С другой стороны, эти планы зачастую и строились при определенном намерении использования накопленных богатств прошлого, в этом нет сомнений. Но трудно судить революционное время и революционное правительство, революционный народ, готовый рушить старое ради созидания, пусть, порой, и менее изящного, нового.

Во многом превзошли советские архитекторы и ваятели советских городов, метрополитена своих предшественников царских времен?

Мы помним, что большевики, призывая к развитию Российской социалистической революции, обещали народу новые дворцы с роденовскими статуями. Верил ли народ этим обещаниям, или поддерживал революцию, как поддержал бы все новое, лишь бы настали перемены, лишь бы была похоронена феодальная отсталость?

Не думаю, что народ осознавал, что живет с остатками феодализма. Он жил, трудился, размножался, воспитывал де-

тей и, в основном, веровал в Рай. Первая мировая война, свержение царизма, смена правительств и наступивший экономический и моральный кризис предопределили то, что народ поддержал новые тенденции и парадигмы развития России в XX веке, веке наступавшего технического прогресса. Верил ли народ в сказочное скорое будущее? Думаю, народ был мудр и во многое, обещанное в долгосрочную перспективу, или даже в иную ближайшую, - например, в считанные месяцы переселиться из землянок или бараков в хорошие дома, построить детсады, школы, магазины, или сделать детей высокообразованными, дать всем равные шансы к проявлению способностей, возможность управлять предприятиями, городами, страной, - строителям новой эпохи социализма вначале верилось с трудом. Слишком многое было запущено при царизме, слишком многое было разрушено в революцию, в годы войны. Однако с меньшим трудом верилось в более грандиозное - победу социализма и даже коммунизма, в мудрость партии, в непобедимую силу России, СССР и в другое. Практика строительства СССР, советского социализма доказала, что очень многое, во что, как говорится, верилось с трудом, - было реализовано и часто быстрее, чем обещалось. В течение нескольких поколений Россия стала страной городов, покорителей космоса, одной из самых образованных и динамично развивавшихся государств, почти полностью обеспеченной потенциалом импортозамещения и, следовательно, почти полностью экономически неза-

висимой, на что способны лишь самые успешные и сильные страны. По мере строительства социализма все менее, с трудом, верилось в победу коммунизма, поскольку приходило понимание, что его, по крайней мере, не позволят построить капиталистические державы, коим он изначально был враждебен и, следовательно, - изначально обречен на кровопускание, пока не вытечет вся кровь.

Советские люди это должны были осознавать. Но ничего не оставалось, как следовать общему курсу, принципу единства, принципу подчиненности меньшинства мнению и воле большинства, как никак строился и социализм, и коммунизм.

Народ верил в общую победу, не смотря ни на что, ни на какие кровопускания. Но это не была бессловесная масса, готовая на все, лишь бы потрафить идеям классиков. Даже и Ленин, и Сталин по-своему сетовали на классиков социализма и коммунизма, что не дали всех рецептов, когда пришла пора строить реальный, а не утопический и иной теоретический коммунизм. Каждый человек мог иметь свои принципы, но на самом деле не каждый мог их всюду высказывать вслух, если собственная позиция шла в разрез с общим настроением общества или трудового коллектива в той ипостаси, где речь шла о том, на что общество и коллективы уже сделали свою ставку и трудились ради этого, идя до конца, чтобы не оказаться в еще более затруднительной ситуации. Толкать в такую ситуацию – значило предавать интересы большин-

ства, общества. И сегодня это похоже на то, как ведут себя в обществе люди и у нас, в России, и за рубежом, в Европе и в США. Это естественно. Множество наших членов партии тоже имели свои особые принципы, не вполне совпадающие со всем, что требовали от них их партийные лидеры, и хотя требовалось опираться на те принципы, которые декларировались официально с властных трибун, в жизни во всех трудовых коллективах, в организациях члены партии чаще всего были и мягче, и лояльнее к недостаткам людей, к их проступкам, промахам, ошибкам, хотя бы на собраниях вторили, что к таким надо быть построже. Таким образом, с одной стороны, люди имели официальные послылы - как надлежит беречь ценности социализма, согласно принципам коммуниста, советского человека, а с другой, - в основном, каждый во всем поступал согласно своему характеру, настрою, воспитанию. Главное было – не вступать в конфликт с законом, с властью, хотя с местными властями у членов и не членов КПСС конфликтов всегда было предостаточно; в частности, газеты, особенно местные, часто пестрели различной критикой. И наша Великая Победа в Великой Отечественной войне была со слезами на глазах, этого никто не скрывал, как и критики тех, кто допустил эту войну и столь великие, понесенные нашим народом, жертвы. Ведь тот же Сталин и его окружение обещали, что Красная Армия всех сильнее, но не сдержали слова.

Советские люди простили им и это. И в то же время вер-

ность данному слову всегда у нас являлось признаком честности, порядочности, Патриотизма, как бы – верности своим товарищам, своему коллективу, обществу, Родине. Верности слову ждали и требовали и от руководителей, и от начальства, и от тех, кто брал на себя функции чем-то руководить, в том числе в общественных организациях. Они обязаны были и обещать больше, и делать больше, и переживать за результаты труда больше других, а также и нести больше, чем другие, ответственности. А болтунов и пустобрехов презирали.

Всех более или менее активных строителей социализма-коммунизма, общественников, - а их были миллионы и миллионы, - можно было поделить на тех, кто действительно переживал, когда его слова разошлись с делом, и кто не больно-то переживал, считая, что если результат не достигнут сейчас, он все равно будет достигнут позже. Это от большой веры в успех. И в них жило естественное ощущение: даже если благо ожидаемого результата достанется не тому, кому обещалось, например, собственному коллективу, а какому-то другому – это уже не суть важно: главное – задуманное осуществлено, людям жить стало легче, лучше. Вообще – людям. Как было быть, если такой хороший человек пообещал, обнадежил, а потом в силу указанной причины, не сдержал слова? Он пустобрех, он презираем? Да, на самом деле - нередко то, что самоотверженно строилось для одних конкретных людей и коллективов, – доставалось другим. Но в конечном результате – соответственно - и те, кто не ожи-

дал подарков – зачастую их получали, также за счет других. Это уже – общая, общенародная коммуна. По этой причине слова пропаганды, слова обещаний – они большинством воспринимались как обещанием для всех вообще, в том числе для поколений светлого будущего. Ведь это же факт. И это не делало пропагандистов, не выполняющих обещания, не держащих слово, совсем уж нехорошими и пустыми, пустобрехами в глазах остальных. Все понимали: многое вокруг делается на энтузиазме, без дополнительных дивидендов, и если энтузиаст, даже и болтая что ни попадя, старается ради общего дела, то он, все же, свой, и в его болтовне его вины мало. Кто худо или бедно трудился, тому прощали многое. Уважение к труду решало все дело. Но, конечно, верные своему слову были самыми уважаемыми людьми. И считалось необходимым быть верным всему наработанному с трудом, способам. Методам работы, лучшим рабочим приемам, лучшим Трудовым традициям.

Никто из хороших работников, хороших коллективов не мог быть не верен трудовым традициям. Несмотря на то, что все предприятия, даже смежные, отличались одно от другого, в них существовали общие методы труда и общие методы установления и укрепления производственных отношений – как единых для всех трудовых коллективов страны, так и доморощенных, объективно сложившихся в результате преодоления собственных трудностей на пути к достижению собственных результатов. Отклонение от своих мето-

дов достижения результатов возвращало к состоянию новых «устаревших» трудностей, которые на данный момент времени могли быть самыми актуальными трудностями на каком-то другом предприятии. В числе этих методов были и неустанное воспитание молодежи в духе патриотизма и уважения к труду, воспитание подчеркнутого уважения к ветеранам и их достижениям в рационализаторстве и изобретательстве. Где-то лучший эффект достигался, например, при постоянном изучении конкретных примеров достижения искомых результатов новаторами. Существовала также традиция верности чести заводской марки, преданности своему заводу, своей фабрике, шахте, своей строительной либо иной другой организации.

Это было велением души, безо всякой клятвы.

Во всяком случае, верности своему трудовому коллективу ни от одного приходящего в него работника, за исключением специфических организаций, где требовалась клятва, не требовалось. И в любых коллективах имелись те, кто становился в душе и на деле все более преданным ему, предприятию, и кто об этом не задумывался, не ощущал потребности родниться с коллективом и организацией ближе, чем этого требовала необходимость зарабатывать и получать зарплату. Но предприятия, трудовые коллективы всегда жили в постоянной кооперации и содружестве с другими, и внутри каждого складывались особые отношения, как в большой семье. Следовательно, преданность своей трудовой семье являлось

фактором объективным, и она была таковой для подавляющего большинства из тех, кто проработал на заводе, фабрике, комбинате и т. д. хотя бы несколько лет. Многим, для того, чтобы ощутить всеобщую поддержку товарищей, потребность стать им верным, как и верным, вообще, организации, хватало и нескольких месяцев, а то и недель, дней.

В советское время в течение пятилеток многотысячные, миллионные потоки работников по своим причинам перемещались с одного места на другое, миллионы людей успевали поработать на разных предприятиях, и в принципе, большинство из них каждому предприятию могло быть предано душой, сохраняя верность доброй памятью, поскольку во всех трудовых коллективах по всей стране действовали одни принципы подхода к персоналу, решению их насущных проблем, коллективное доброе товарищество, взаимовыручка, уважение к профессионалу и любому новичку, кто искренне пытается хорошо освоить профессию. Ни один, не имеющий такого потенциала, не понимающий социализма, не мог ни любить коллектив и организацию, ни тем более быть им преданным, верным, честным, надежным.

Это похоже на то, что в разных интерпретациях называют советский трудовой, рабочий, коммунистический фанатизм.

И на здоровье! В работе, дружбе, любви, деловых проектах, в экстремальных специфических условиях, на войне все эти качества при постановке задач и их решении, осуществлении производственных, социальных планов играли реша-

ющую роль. Они очень ценились в межличностных отношениях, в трудовых коллективах и на уровне всего народного хозяйства. Действительно, все эти качества, присутствующие в советских людях одновременно, зачастую воспринимались как фанатизм, поскольку помимо проявления в любви, как части чувств, в жизни они были направлены у основной части народа на верность Родине, лучшим трудовым и боевым традициям, памяти побед, достижений, рабочему коллективу. А также на честность в коллективных производственных отношениях и в патриотических поступках. Как и на достижение максимальной надежности во всех делах, чтобы слыть настоящим советским человеком: то есть человеком общества социализма, чей долг всегда стараться ставить общественные интересы выше личных, а в этом преуспели сотни миллионов человек нескольких советских поколений.

И даже поколения, которое стало невольным участником жесточайших битв, проливало реки крови и хоронило миллионы и миллионы своих товарищей, немалую часть своего народа. Фронтовиков, работников тыла. Познав на войне не то, что им обещало правительство, советские вожди, - не только сладость побед, но и горечь поражений, познав страдание и несчастья, они, тем не менее, с верой в светлый завтрашний день возвращались домой, в коллективы, где их ждали новые бои за план, новые трудности, преодоление новых житейских невзгод.

И невзгод, конечно, но и житейских радостей. В СССР

жить можно было, наслаждаясь счастьем, как и всюду. Надо было преодолеть какие-то кризисы, как и послевоенного восстановления народного хозяйства, переросшего в конце концов в новую большую победу: сильно разрушенная страна была восстановлена в течение нескольких лет. Что до веры в свой родной коллектив, веры в партию и правительство, в курс на социализм и коммунизм, в начальный период войны очень многие работники предприятий и организаций, в том числе добровольцами, уходили на фронт, обещая вскоре вернуться в родной коллектив, тогда еще не представляя масштабов войны. Вернулись назад далеко не все: десятки миллионов были убиты, а живые после мировой войны начинали налаживать новую жизнь кто где мог, кому позволили те или иные обстоятельства, здоровье. Но возвращение в коллектив старого работника во всех случаях было радостным событием: и для него, и для коллектива. Всем фронтовикам, кто появлялся на предприятии впервые, были широко распахнуты двери, всех сменявших гимнастерки на рабочие спецовки встречали как героев; на всю жизнь они становились одними из самых уважаемых членов общества. Всех их считали героями.

А на самом деле, ведь геройство геройству рознь. Одни пролили много крови, потеряли здоровье, с другими судьба обошлась более милостиво. Но мир всех уравнил?

Мы всегда говорим: из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд. Имея в виду и Героев-бойцов, и Героев-тру-

дящихся. Но, может, есть большой смысл не считать различие всех воевавших на фронте, за исключением случаев, когда человек получал золотую звезду Героя Советского Союза или три ордена Боевой Славы.

Как бы мы это обосновали?

Никто не станет спорить, что далеко не все вернувшиеся с фронта проявляли на фронте яркий, - инициированный собственной волей, с ощущением неизбежности утери здоровья и потери жизни, - героизм, отвагу и мужество одновременно. Но все они подразумевали это ежедневно, ежечасно и ежеминутно, самоотверженно принимая объективную реальность и необходимость испить чашу воина, солдата до конца. Одно только это - честное – вольное или подневольное - выполнение своего воинского и гражданского долга делало каждого солдата героем. Поэтому многие солдаты, кто успел повоевать недолго, и имел всего одну или несколько медалей, или же прошедшие всю войну, но в силу разных причин также не ставшие кавалерами ряда боевых наград, - все в трудовых коллективах, в обществе считались героями-фронтовиками. Каждый возвращавшийся с фронта был убежден и ощутил это на практике, что он – в той или иной степени герой и таковым в глазах людей он останется навсегда. Миллионы бывших солдат, фронтовиков, осознали, что они на самом деле настоящие герои, лишь спустя месяцы, годы и даже десятилетия после Великой Отечественной войны: когда обнажилась правда огромных просчетов военного советского ру-

ководства, какой ценой и чем именно закрывались прорехи фронтов; и когда резко очертилась грань в жизни поколения военного времени и поколений, не испытавших реалий войны.

И самими фронтовиками тоже. Как и всеми из того поколения двигала вера во все то же светлое будущее, которое обещали большевики, партийные вожди, органы советской пропаганды.

Не органы, а сама советская пропаганда, как часть гармонии реального советского социализма, как реалья, историческая идеологическая парадигма своего неповторимого времени. Вообще-то, вера в светлое будущее для народов, исконно живущих в парадигме монотеистических религий – с верой в Бога Единого – понятие естественное. Новое светлое будущее подразумевало – отстроить социализм, приступить к строительству коммунизма, может даже, - и пожить в нем, где в данном обществе изобилия каждому воздастся по его физическим и духовным потребностям. В принципе, светлым будущим представлялось общество изобилия и - социалистической, советской, коммунистической, мировой, духовной справедливости, где все будут воспитаны, честны и трудолюбивы настолько, что однажды может не понадобится даже парадигма государственного аппарата. Но в основном же, воспринимая в течение десятилетий призывы претерпеть трудности и лишения ради светлого будущего, советский народ воспринимал это светлое будущее, как более бла-

гополучное и – дай Бог! – изобилующее товарами, продуктами питания, возможностями для развития детей и внуков, словом, - будущих поколений, как преемников первых строителей социализма и коммунизма. С верой, что однажды так и будет, жило несколько поколений советских людей.

Поколение, пережившее войну, не могло не вспоминать о Боге, не верить и в Бога.

Человек рождается с верой в сверхъестественные силы, и любому советскому человеку, хотя бы слегка ознакомившемуся с постулатами религий, указывающих на бессмертие души и на рай, уже не возможно было не уповать на это бессмертие, какой бы сильной не была атеистическая пропаганда, какие бы меры ни принимались, чтобы отвратить людей, общество от церкви, веры в Бога. Людей, абсолютно отвергающих Бога в любой ипостаси, в стране было совсем немного, в основном люди говорили, что они неверующие. Миллионы и десятки миллионов были, так называемыми, убежденными атеистами, тем не менее, искренне старавшимися не допускать богохульства, не гневить высшие силы хотя бы на всякий случай – на тот случай, если Бог, все-таки, вдруг да существует. Тот, кто веровал в Бога, как истинный верующий, хотя и являлся для большинства человеком «со странностями», - имел возможность читать священные писания, ходить в церковь и во всяком случае молиться Богу, когда ему было угодно. В Бога в той или иной степени веровали и лидеры партии, страны, порой, - и не отрицая этого; государство по-

сле репрессий эпохи иконоборчества позволяло развиваться церкви и, можно сказать, никак не преследовало явно верующих, хотя и с помощью неусыпного ока общественных организаций чинило препятствия, например, в карьере, если такой верующий работал в коллективе государственной организации. Убежденные верующие призывались в армию, они могли поставить условие – не брать в руки оружия, и им шли навстречу, сослуживцы в большинстве своем относились к ним с пониманием, если даже и с удивлением, долей жалости, то, все же, - и с некоторым несомненным уважением.

Послевоенное поколение, поколение победителей, которое стало поколением и новой холодной войны, вынуждено было обрести и новую веру – веру в великую дружбу науки с производством. Вставали в полный рост атомные программы, ракетостроение, радиотехника новейшего поколения, перепрофилировались предприятия, переходя на выпуск мирной продукции, рождались многие новые современные заводы, ярко в этом процессе проявляла себя советская наука.

Не только в послевоенное время, но и с самого начала в числе главных помощников трудящихся эпохи социализма, наряду государственным аппаратом, школой универсального воспитания, армией и других институтов, являлась советская наука. Основная масса населения, так или иначе занятая в производстве, строительстве или обслуживающая их, постоянно ощущала, как наука изменяет реалии производ-

ственной жизни, влияя на изменения в технике, технологиях, в методах труда, в социально-бытовой жизни. Наука сама по себе «варилась» в головах и за столами ученых, в лабораториях, на испытательных станциях, и все привычнее во всех предприятиях становилось присутствие инженерных структур, как бы постоянно связанных с наукой; таким образом, она стала присутствовать рядом с производством и строительством в виде своих «производственных», «строительных» подразделений – отделов, КБ, бюро, лабораторий и др. Все верили, - и это было важно, - что за их делами присутствуют очень большие достижения советской науки - с различными и непрерывными открытиями и изобретениями в многочисленных научно-исследовательских институтах Академии наук СССР, в ОКБ и СКБ, на полигонах, производственных базах НИИ и НПО. «Дружба науки с производством» существовала в реалиях практики использования научных достижений в промышленности, а «Великая дружба науки с производством», в том числе производства строительных материалов, - в отдельных, особых торжественных случаях в пропагандистской риторике или как заезженный штамп в средствах массовой информации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.